

Жорж Санд

Валентина

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Жорж Санд

Валентина / Жорж Санд – М.: Книга по Требованию, 2011. – 182 с.

ISBN 978-5-4241-1903-3

Провинциалка Валентина, юная наследница графского титула и завидного состояния, становится невестой красавца графа, но сердце отдает простому бедному юноше. Она не может противиться своему чувству, однако пренебречь циничными и лживыми законами общества ей не позволяет чистая, благородная душа и чувство долга. Какой выбор сделает девушка и принесет ли он ей счастье?

ISBN 978-5-4241-1903-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Жорж Санд
Валентина

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Валентина» — второй опубликованный мною роман после «Индианы», имевшей успех, которого я никак не мог ожидать. В 1832 году я вернулся в Берри и с удовольствием взялся живописать природу, с детства знакомую мне. Еще в ту пору я чувствовал настоятельную потребность описать ее; но в силу некоего феномена, сопутствующего всем глубоким движениям души, как нравственного, так и интеллектуального порядка, как раз то, что просится под перо, страшнее всего представить на суд читателя. Этот бедный уголок Берри, эта никому не известная Черная долина, этот ничуть не величественный, ничем не поражающий, неброский пейзаж, которым восхищаешься, только полюбив его, — таково было святилище моих самых первых, самых длительных, самых неотступных мечтаний. Прошло двадцать два года с тех пор, как я жил под этими искалеченными деревьями, у этих ухабистых дорог, среди этого привольно разросшегося кустарника, вблизи ручейков, по берегам которых не страшатся бродить лишь дети да стада. Все это было полно очарования только для меня одного и не стоило того, чтобы предлагать его взорам равнодушных. К чему открывать инкогнито этого неприметного края, где нет обширных и живописных ландшафтов, где ничто не связано с великими историческими воспоминаниями, которые могли бы возбудить интерес или хотя бы любопытство? Мне чудилось, будто Черная долина — это я сам, это рамка, одеяние моей собственной жизни, и как непохожи они на блестящие убранства и как мало созданы для того, чтобы пленять взоры людей. Знай я, что мои произведения получат такой отзвук, думаю, я ревниво, как святыню, укрыл бы этот край, которого до меня, быть может, никогда не касались мысль художника, мечтания поэта. Но я не знал, даже не думал об этом. Я не мог не писать, и я писал. Я поддался тайным чарам, разлитым в родном воздухе, обвевавшем меня чуть ли не с колыбели. Описательная часть моего романа понравилась. Фабула же вызвала достаточно резкую критику, направленную против пресловутой, приписываемой мне, антиматримониальной доктрины, которую я, по всеобщему утверждению, уже начал проповедовать в «Индиане». И в первом и во втором романе я показывал опасности и беды опрометчиво заключаемых браков. Если послушать критиков, так я не роман написал, а сам того не ведая, проповедую учение Сен-Симона; между тем тогда я еще не задумывался над социальными недугами. Я был слишком молод и умел лишь видеть и запечатлевать факты. Возможно, я на том бы и остановился, повинувшись своей природной лености и той любви к внешнему миру, которая одновременно и счастье и беда людей искусства. Но случилось иначе — критика, пусть и педантичная, побудила меня размышлять глубже и глубже вникать в первопричины явлений, меж тем как до сих пор я видел лишь их последствия. Но меня столь ядовито осуждали за то, что я корчу из себя вольнодумца и философа, что в один прекрасный день я спросил себя: «А уж не заняться ли мне и в самом деле философией?».

Жорж Санд. Париж, 27 марта 1852 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Есть в юго-восточной части Берри край, всего несколько лье в окружности, ни с чем не сравнимого очарования. Он пересечен трактом Париж

— Клермон, вдоль которого тянутся обжитые земли, и вряд ли путешественник может даже заподозрить, что тут же, по соседству, расположены красивейшие ландшафты. Но если путник в поисках тишины и сени свернет на одну из многочисленных тропок, отходящих от тракта и прихотливо вьющихся среди высоких откосов, то уже через несколько шагов он обнаружит прохладу и мирный пейзаж, светло-зеленые луга, меланхоличные ручейки, купы ольхи и ясеня, словом — пленительно-нетронутую природу пасторалей. И пусть не надеется на протяжении многих лье увидеть каменный дом, крытый шифером. Разве что тоненькая струйка голубоватого дыма, дрожа и расплываясь в воздухе, поднимется над листвой, извещая о близости соломенной кровли; и если позади орешника, густо покрывающего пригорок, он заметит шпиль церквушки, то через несколько шагов взору его откроется деревянная колоколенка с изъеденной мхом черепицей, десяток далека разбросанных друг от друга домиков, окруженных плодовыми садами и конопляниками, ручей, через который переброшены три бревна, заменяющие мост, кладбище — всего один квадратный арпан земли, обнесенный живой изгородью, — четыре вяза, посаженные в шахматном порядке, развалины башни. Словом, он обнаружит то, что в здешнем краю именуют селением.

Ничто не сравнимо с покоем этих глухих деревенок. Сюда еще не проникали ни роскошь, ни искусства, ни ученая страсть к исканиям, ни сторукое чудище, именуемое промышленностью. Революции прошли здесь почти незамеченными, а последняя война, еле уловимый след которой хранит здешняя земля, была войной гугенотов с католиками, да и то воспоминания о ней поблекли, выветрились из памяти людской, и на ваши расспросы местные жители ответят, что происходило все это по меньшей мере две тысячи лет назад; ибо главная добродетель сего племени хлебопашцев — полнейшая беззаботность насчет всяких древностей. Смело обойдите этот край вдоль и поперек, молитесь его святым, пейте воду из его колодцев без малейшего риска выслушать неизбежные рассказы о феодальных временах или, на худой конец, легенды о местных чудотворцах. Степенный и замкнутый нрав крестьянина — одно из главных очарований этого края. Ничему он не удивляется, ничто его не привлекает. Он даже головы не повернет, когда вы вдруг возникнете перед ним на тропке, и если вы спросите у него дорогу в город или на ферму, он вместо ответа предупредительно улыбнется, как бы говоря, что такими незатейливыми шуточками его не проведешь. Беррийский крестьянин не может поверить, что человек идет куда-то и сам не знает толком куда. Разве что его пес соблаговолит побрехать вам вслед, детишки попрячутся за изгородь, лишь бы не стать мишенью ваших взглядов или ваших расспросов, а самый крохотный, не поспевший за бросившимися врассыпную братьями, непременно шлепнется от страха в канаву и завопит во все горло. Но самым невозмутимым действующим лицом будет огромный белый вол, неизмен-

ный старейшина всех пастбищ: он уставится на вас из гущи кустов, как бы сдерживая своих собратьев быков, потревоженных вашим вторжением и настроенных поэтому менее степенно и благожелательно.

За исключением этого неизбежного при первой встрече холодка в отношении к чужеземцу, местный хлебопашец, в общем, добр и гостеприимен наподобие здешней мирной сени, здешних благоуханных лугов.

Часть этой местности, заключенная меж двух небольших речушек, особенно примечательна густой, мрачной окраской своей растительности, за что и дано ей название Черная долина. Все ее немногочисленное население ютится в разбросанных по долине хижинах и нескольких доходных фермах. Наиболее обширная из них зовется Гранжнев; но и здесь все очень скромно и не выделяется на фоне столь же неприхотливого пейзажа. Ведет к ней кленовая аллея, и рядом с деревенскими строениями протекает Эндр, который здесь не шире простого ручейка и тихо вьется среди камышей и желтых полевых ирисов.

Первое мая у жителей Черной долины считается днем праздничным с неизбежным в таких случаях гуляньем. В дальнем конце долины, примерно в двух лье от центральной ее части, где как раз стоит Гранжнев, устраивается деревенское празднество, на которое, как положено, устремляется вся округа, начиная с супрефекта департамента, кончая красоткой швейей, еще с вечера напловившей жабо его превосходительству; от высокородной владелицы замка до последнего овчара (местное словечко!), чья коза да барашек живут за счет господских изгородей. Все это ест на лужайке, танцует на лужайке, с большим или меньшим аппетитом, с большим или меньшим пылом; все это сходится сюда, чтобы показать свою коляску или своего осла, кто в рогатом чепчике, кто в шляпке из итальянской соломки, кто в деревянных сабо, кто в туфельках из турецкого атласа, кто в шелковом платье, а кто и в юбке из холстины. Это счастливый день для местных красавиц, день корыстного суда, а то и просто пересудов над женской красотой, когда при безжалостном свете яркого солнца чуть сомнительным салонным прелестям приходится выдерживать нелегкое состязание со свежестью, здоровьем, сияющей молодостью сельских девиц; ареопаг составлен из судей мужского пола всех состояний и рангов, прения сторон происходят под звуки скрипки, в облаках пыли, под перекрестным огнем взглядов. Поэтому собравшиеся становятся свидетелями многих заслуженных триумфов, заглаженных обид; сколько здесь разрешится затянувшихся тяжб, и все это будет отмечено в анналах жеманства. День сельского праздника, первое мая, здесь, как и по всей Франции, — великий повод для тайного соперничества между дамами из соседнего городка и принарядившимися поселянками из Черной долины.

Как раз Гранжнев с самого раннего утра превратился в грозный арсенал наивных оболщений. Дело происходило в просторной низкой комнате, куда свет проникал в окна с частым переплетом; стены были оклеены обоями ярких тонов, что никак не вязалось с почерневшими от копоти балками потолка, с массивными дубовыми дверями и неуклюжим ларем. В этом скромно обставленном помещении, где довольно изящная современная мебель лишь подчеркивала классический деревенский стиль, господствовавший здесь со дня основания фермы, вертелась перед зеркалом в золоченой раме хорошенькая шестнадцатилетняя девушка, в последний раз оправляя свой скорее богатый, чем изящный туалет, и, казалось, даже тусклое зеркальное стекло с умыслом клонится вперед, чтобы

самому полюбоваться такой красотой. Но Атенаис, единственная наследница славного фермера, была так юна, так румяна, так радовала глаз своей прелестью, что казалась еще грациознее и естественней даже в этом чересчур пышном наряде. Пока она в десятый раз оправляла складки своего тюлевого платья, ее мать, присев перед дверью и засучив по локоть рукава, замешивала в баде отруби с водой, а вокруг в благоговейном ожидании часа кормежки выстроилась рядами целая компания уток. Живой и игривый солнечный луч, проскользнув в открытую дверь, упал на разряженную румяную прелестную девицу, ничуть не похожую на свою дородную загорелую матушку, одетую в платье из грубой шерстяной ткани.

Из дальнего угла комнаты за Атенаис молча наблюдал юноша в черном костюме, небрежно раскинувшийся на кушетке. Но лицо его отнюдь не выражало той детски экспансивной радости, которая проглядывала в каждом движении девушки. Время от времени еле заметная насмешливая и снисходительная улыбка трогала его длинные, тонкие, подвижные губы.

Господин Лери, вернее — просто дядюшка Лери, как обычно и по сей день величают его крестьяне, которым он долгое время был ровней и приятелем, мирно сидел в сторонке, грея обутые в белые чулки ноги у очага, где, по деревенскому обычаю, в любое время года жгли хворост. Этот почтенный, еще вполне бодрый отец семейства щеголял в полосатых штанах, жилете в цветочек, длинном сюртуке и носил косичку. Косичка считается пережитком стародавнего кокетства и постепенно исчезает из употребления на всей французской земле. Но Берри меньше прочих провинций пострадала от покушений цивилизации, и даже в наши дни верные косичке беррийцы, особенно из сословия землепашцев — полубуржуа-полудеревенщина — не признают иной прически. В дни их юности косичка была первым шагом к аристократическим замашкам, и ныне они сочли бы себя униженными, лишись их глава этой социальной привилегии. Дядюшка Лери стойко защищал свою косичку от атак насмешницы дочки и, будучи нежнейшим из отцов, выполнявшим любые капризы Атенаис, отказывал ей только в этом.

— Да ну же, матушка, — сказала Атенаис, поправляя золотую пряжку муарового пояса, — когда же ты кончишь кормить своих уток? Ведь ты еще не одета. Так мы никогда не выберемся.

— Терпение, дочка, терпение, — ответила тетушка Лери, раздававшая с достохвальным беспристрастием корм птице, — пока будут запрягать Любимчика, я сто раз успею одеться. Да и возни мне не так много, не то что тебе, дочка! Я, слава те господи, не молоденькая, да и в молодые годы не было у меня ни досуга, ни денег принарядиться. Я по два часа перед зеркалом не вертелась!

— Что ж, вы меня упрекать собрались? — надувшись, проговорила Атенаис.

— Нет, дочка, и не думаю, — возразила старуха. — Веселись, наряжайся, дитя мое, живем мы в достатке, пользуйся плодами родительских трудов. Нам, старикам, уж и богатство ни к чему... А главное, когда привыкнешь к бедности, тут уж трудно отвыкнуть. За свои денежки я могла бы барыней сидеть, да нет, не выходит; так на же тебе, все в доме должна своими собственными руками переделывать... Но ты, дочка, веди себя как знатная дама, не зря мы тебе дали подходящее воспитание — такова была воля твоего батюшки; тебе батрак неровня, и твой муж небось будет рад-радешенек, что возьмет такую белоручку.

Вытирая бадью, тетушка Лери продолжала разглагольствовать не так здраво, как пылко, и под конец улыбнулась юноше, вернее — состроила гримасу. Тот сделал вид, что ничего не замечает, а дядюшка Лери, созерцавший пряжки своих полуботинок в состоянии блаженного безумия, столь милого сердцу отдыхающего крестьянина, поднял слипающиеся глаза к своему будущему зятю, как бы желая порадоваться его радостью. Но будущий зять, стремясь уклониться от этой безмолвной учтивости, поднялся, прошел в другой конец комнаты и обратился к мадам, Лери:

— Не пора ли запрягать лошадь?

— Иди, сынок, иди, пожалуй. Я тебя не задержу, — ответила почтенная старушка.

Племянник уже подошел к двери, как вдруг на пороге показалось новое, пятое действующее лицо, чей внешний облик и костюм составляли удивительнейший контраст с внешностью и нарядом обитателей фермы.

2

То была невысокая худенькая женщина, которой на первый взгляд можно было дать лет двадцать пять; но тот, кто пригляделся бы к ней внимательнее, дал бы ей все тридцать, если не больше. Ее тонкая, туго стянутая талия еще хранила изящную линию юности, но миловидное лицо благородных очертаний носило следы горя, которое старит сильнее, нежели годы. Небрежный наряд, гладкая прическа, спокойный вид свидетельствовали о том, что она не собирается на праздник. Но в ее крохотных туфельках, в ее изящном и скромном сером платьице, даже в белизне шеи, в размеренной, легкой походке чувствовалось больше подлинного аристократизма, чем во всех драгоценностях Атенаис. И тем не менее эту особу, внушавшую невольное уважение, при появлении которой все присутствующие поднялись с места, обитатели фермы называли без церемоний мадемуазель Луиза.

Она ласково пожала руку тетушке Лери, поцеловала в лоб Атенаис и дружески улыбнулась юноше.

— Далеко ли вы, милая барышня, ходили прогуляться нынче утром? — спросил дядюшка Лери.

— Нет, вы только угадajte, куда я осмелилась дойти! — ответила мадемуазель Луиза и, не чинясь, присела рядом со стариком.

— Неужели до замка? — быстро спросил племянник.

— До самого замка, Бенедикт, — ответила Луиза.

— Какая неосторожность! — воскликнула Атенаис и, перестав взбивать булки, с любопытством подошла к говорившей.

— Почему же, — возразила Луиза, — ведь вы сами говорили, что всех прежних слуг рассчитали, кроме старой кормилицы. А встретить я ее, она наверняка не выдала бы меня.

— Но ведь вы могли встретиться с самой мадам...

— Это в шесть-то часов утра? Да мадам раньше полудня не встает.

— Значит, вы поднялись до света? — спросил Бенедикт, — То-то мне показалось, будто я слышал, как вы открывали садовую калитку.

— Но мадемуазель всегда встает ранехонько, она у нас хлопотунья. А если бы она вам встретилась?

— Ах, как бы я сама этого хотела! — горячо отозвалась Луиза. — Но я все равно не буду знать покоя, пока не увижу ее, пока не услышу ее голоса... Вы ведь ее знаете, Атенаис, скажите же мне — хороша ли она, добра ли, похожа ли на своего отца...

— Она куда больше похожа на кое-кого другого, — ответила Атенаис, приглядываясь к Луизе, — а значит, и добрая и красивая.

Лицо Бенедикта просветлело, и он с благодарностью взглянул на свою невесту.

— Послушайте меня, — продолжала Атенаис, обращаясь к Луизе, — если вам так уж хочется видеть мадемуазель Валентину, идите с нами на праздник; можете укрыться у нашей кухни Симоны — это прямо на площади, и оттуда вы увидите дам из замка, мадемуазель Валентина завершила меня, что они непременно приедут.

— Но, милая моя Атенаис, это невозможно, — возразила Луиза. — Стоит мне сойти с двуколки, и все меня сразу узнают или догадаются, что это я. Впрочем, из всей семьи я хочу видеть лишь ее одну; а присутствие остальных только испортит мне радость. Но хватит говорить о моих планах, давайте лучше поговорим о ваших, Атенаис; я вижу, вы намерены сразить всю округу блеском вашей свежести и красоты!

Юная фермерша вспыхнула от удовольствия, бросилась на шею Луизы, и в самой живости этого движения чувствовалась простодушная радость оттого, что ею любуются.

— Сейчас пойду принесу шляпку, — сказала она. — Вы мне поможете ее надеть, хорошо?

И она быстро взбежала по деревянной лестнице, ведущей в спальню.

Тетушка Лери тем временем вышла в соседнюю комнату, чтобы переодеться, а ее супруг, взяв вилы, пошел на скотный двор дать скотнику работу на день.

Оставшись наедине с Луизой, Бенедикт подошел к ней и произнес вполголоса:

— Вы тоже портите Атенаис. Ведь вы единственная могли бы делать ей хоть изредка замечания, но вы не достаиваете их делать...

— В чем же вы упрекаете это бедное дитя? — удивленно спросила Луиза. — На вас не угодишь, Бенедикт.

— Все мне это говорит, и в том числе вы, мадам, но вы могли бы понять, что нрав и нелепые причуды этой юной особы причиняют мне немало мук!

— Нелепые? — повторила Луиза. — Разве вы не влюблены в нее?

Бенедикт не ответил, он замолк, но после мгновенного колебания заговорил снова:

— Согласитесь же, что сегодняшней ее туалет чересчур экстравагантен. Отправиться на сельский праздник в бальном платье, плясать под солнцем и в пыли в шелковых туфельках, в кашемире и с перьями на шляпке! Я уже не говорю о совершенно неуместных в данном случае драгоценностях, на мой взгляд — это уж совсем дурной вкус. Девушка в ее годы должна превыше всего дорожить простотой и уметь украсить себя каким-нибудь пустячком.

— Разве Атенаис виновата, что получила такое воспитание? Обращать внимание на подобные мелочи! Постарайтесь-ка лучше нравиться ей, сумейте завладеть ее умом и сердцем. И тогда, можете не сомневаться, ваши желания станут для нее законом. Но вы вечно оскорбляете ее, противоречите ей, ей — всеобщей

баловнице, ей — королеве в доме! Вспомните-ка, какое у нее доброе, чувствительное сердце...

— Сердце, сердце! Разумеется, у нее доброе сердце, но зато какой ограниченный ум! Доброта дана ей природой, доброта эта, если хотите, растительного происхождения, на манер овощей, которые, растут ли они хорошо или совсем не растут, сами не знают причины того. А до чего же мне неприятно ее кокетство! Придется, вести ее под ручку, прогуливаться с ней взад и вперед, показывать ее собравшимся на празднике, выслушивать дурацкие комплименты одних и столь же дурацкие насмешки других! Какая тоска! Как бы мне хотелось, чтобы мы уже вернулись с праздника!

— Что за удивительный характер! А знаете, Бенедикт, я вас просто не понимаю. Любой другой на вашем месте гордился бы тем, что может показаться на людях с самой красивой девушкой в округе, с самой богатой здешней невестой, гордился бы тем, что возбуждает зависть двух десятков соперников, оставшихся с носом, имеет право назвать ее своей нареченной. А вы, вы только критикуете ее мелкие недостатки, свойственные всем юным девицам этой среды, ибо полученное ими воспитание не соответствует их происхождению, — вы вменяете в вину Атенаис то, что она подчиняется тщеславным притязаниям родителей, в конце концов совершенно безобидным, и уж кому-кому, а вам-то сетовать не пристало!

— Знаю, знаю, — живо отозвался юноша, — знаю, что вы мне скажете. Они, не будучи к тому обязаны, дали мне все. Приютили меня, сына их брата, сына такого же крестьянина, как они сами, но бедняка, усыновили меня, сироту неимущего, и, вместо того чтобы сделать из меня пахаря, к чему, казалось бы, я предназначен самым общественным порядком, — послали на свой счет в Париж, дали мне возможность учиться, превратили в горожанина, в студента, в краснобая и, сверх всего, еще предназначили мне в жены свою дочь, свою богатую дочь, гордячку и красавицу. Они берегут ее для меня, предлагают в невесты! О, без сомнения, они очень меня полюбили, эти родичи с простой и щедрой душой! Но слепая любовь их обманула, и все то добро, которое они желали мне сделать, обратилось во зло... Будь проклято это вечное стремление метить выше, чем способен попасть!

Бенедикт топнул ногой. Луиза посмотрела на него печальным, суровым взглядом.

— То ли вы говорили вчера, возвращаясь с охоты, благородному дворянину, человеку невежественному и ограниченному, который отрицал блага воспитания и желал бы воспрепятствовать продвижению низших слоев общества? Сколько разительных доводов вы нашли в защиту распространения света и свободы для всех, желающих расти и достичь чего-то. Меня удивляет и огорчает, Бенедикт, ваш переменчивый, нестойкий, капризный ум, ум, который стремится все проанализировать и обесценить. Я боюсь за вас, боюсь, как бы добрые семена не стали плевелами, боюсь, как бы вы не поставили себя значительно ниже или значительно выше полученного вами воспитания, а то и другое — немалая беда.

— Луиза, Луиза! — прерывающимся голосом произнес Бенедикт, схватив руку молодой женщины.

Он так пристально смотрел на нее увлажнившимся взором, что Луиза покраснела и недовольно потупилась. Бенедикт выпустил ее руку и, сердито хмурясь,

нервно зашагал по комнате, потом подошел к Луизе, стараясь подавить волнение.

— Зато вы чересчур снисходительны, — возразил он, — вы прожили на свете больше, чем я, и, однако же, в моих глазах вы намного меня моложе. Вы обладаете опытом чувств, и чувства ваши благородны и великодушны, но вы не научились читать в чужой душе, вы даже не подозреваете, какой она бывает подчас мелкой и уродливой, вы не придаете значения несовершенствам ближнего, возможно, просто их не видите! Ах, мадемуазель, мадемуазель! Слишком вы снисходительны, и слишком вы опасный наставник!..

— Вот уж странные упреки, — возразила Луиза с наигранной веселостью. — А кому, в сущности, я навязывала себя в менторы? Не твердила ли я вам десятки раз, что я столь же мало способна направлять других, как и самое себя? Мне не хватает опыта, говорите вы? О, вот на это жаловаться не приходится!

Две слезинки скатились по щекам Луизы. Воцарилось молчание. Бенедикт подошел к молодой женщине и встал перед ней, взволнованный и трепещущий. Скрыв мимолетную грусть, Луиза заговорила:

— Вы правы, слишком долго я была поглощена собой и не научилась проникать в глубины чужой души. Целые годы я отдала страданиям и неудачно распорядилась собственной жизнью.

Тут только Луиза заметила, что Бенедикт плачет. Испугавшись непомерной чувствительности юноши, она указала рукой на двор, где дядюшка Лери собственноручно закладывал в бричку здорового пуатевенского коня, и жестом послала Бенедикта ему на помощь, но юноша не понял ее.

— Луиза! — пылко произнес он.

Потом снова повторил ее имя, чуть понизив голос.

— Какое славное имя, — сказал он, — какое простое, нежное, и его носите вы, а моя кузина, самой природой созданная для того, чтобы доить коров и пасти овец, зовется Атенаис! Есть у меня еще одна двоюродная сестрица, так той дали при крещении имя Зораида, а своего малыша она нарекла Адемаром! Люди благородного происхождения правы, высмеивая наши причуды: они действительно невыносимы, разве не так? Взгляните-ка, вот прялка, прялка моей почтенной тетушки; кто наматает на нее шерсть, кто в отсутствие тетушки будет терпеливо вращать ее? Уж конечно, не Атенаис! Она сочла бы для себя чуть ли не унижением хотя бы прикоснуться к веретену; уметь делать что-то полезное в ее глазах чуть ли не позор, ибо это может сбросить ее снова вниз, в то состояние, из которого она вышла. Нет, нет, она умеет, конечно, вышивать, играть на гитаре, рисовать цветы, танцевать, а вот вы, мадемуазель, вы умеете прясть, хотя вы родились в роскоши, вы кротки, вы скромны, трудолюбивы... Кто-то ходит наверху; сюда идет Атенаис. Не сомневаюсь, что, любуясь на себя в зеркале, она забыла все на свете.

— Бенедикт! Идите же за шляпой, — крикнула с лестницы Атенаис.

— Идите же, — вполголоса проговорила Луиза, видя, что юноша даже не тронулся с места.

— Будь проклят этот праздник! — ответил он ей в тон, — Ладно, я поеду, но, высадив свою прелестную кузину на полянке, я скажу, что вывихнул ногу, и постараюсь вернуться на ферму... Вы будете здесь, мадемуазель Луиза?

— Нет, не буду, — сухо ответила она.

Бенедикт покраснел от досады и направился к двери. В эту минуту на пороге